

КОНТРАСТИВНЫЕ КОНЦЕПТЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

М.Л. Хохлина

Статья посвящена проблемам представления контрастивных концептов на фразеологическом уровне. Модель ценностного представления о мире как компонент концептосферы «Свое – Чужое» строится на материале фраземики. Установлена глубина фразеологической объективизации «зеркальных» концептов.

The article is devoted the problem of the representation of contrast concepts at phraseological level. The model of a valuable picture of the world as a component of the conceptosphere "Own – Alien" is built on a material of fraseemics. Intensity of a phraseological objectivization of "mirror" concepts is established.

Ключевые слова: контрастивный концепт, фразема, фразеологическая картина мира, оппозиция «Свое – Чужое».

Key words: contrast concept, frasem, phraseological picture of the world, opposition "Own – Alien".

Детальное исследование концептов привело к выделению разнообразных типов данных когнитивных структур, среди которых особое место отводится контрастивным концептам. Вслед за В.И. Карасиком, указавшим на наличие особого класса контрастивно обусловленных по своей природе концептов, мы полагаем, что с позиций концептуального осмысления действительности заслуживают освещения некоторые объективно выделяемые качества, которые «не существуют в отрыве от своих коррелятов и зависят от них» [4, с. 26].

Как контрастивные, на наш взгляд, могут выступать некоторые базовые концепты русской культуры, объективированные единицами фразеологического уровня:

- ✓ «Мир» – «Война»: *заключать / заключить мир – объявить войну;*
- ✓ «Победа» – «Поражение»: *одерживать (одержать) брать (взять) верх – складывать (сложит) весла;*
- ✓ «Жизнь» – «Смерть»: *живой как живчик – уснуть на веки веков;*
- ✓ «Отечество» («Родина») – «Чужбина»: *край отцов, родной (отчий) край – за кордоном;*
- ✓ «Работа» – «Праздность» / («Труд» – «Лень»): *вертеться (кружиться) как белка в колесе – лежать (валяться) на боку, протирать брюки;*
- ✓ «Любовь» – «Ненависть»: *души не чаять – на дух не переносить;*
- ✓ «Правда» – «Ложь»: *вот те (тебе) [истинный] крест – врать как барон Мюнхгаузен;*
- ✓ «Свобода» / («Воля») – «Неволя»: *сбрасывать (сбросить) бремя – быть под каблуком;*
- ✓ «Свет» – «Тьма»: *день деньской – хоть глаз выколи.*

Связи между данными концептами просматриваются через языковые значения единиц, их вербализующих. Так, примером антонимических корреляций является пара фразем *вольный казак – сам себе не хозяин*, противоположность фразеологических значений которых – ‘о свободном, ни от кого не зависящем человеке’ – ‘о находящемся в чьей-л. власти, в чьем-л. подчинении человеке’ – подтверждает контрастивность концептов «Свобода» / («Воля») – «Неволя», репрезентантами которых они являются.

Контрастивность обнаруживается также при рассмотрении ценностей как высших ориентиров в культуре и противоположных им антиценностей. Концепты, которые носят имя какой-либо ценности, востребованной русским лингвокультурным сообществом, и противопоставленной ей антиценности, во внутрикультурной коммуникации объединяются в концептуальные диады на основе конститутивного признака «свойственность – чуждость», где «свое» – то, что положительно оценивается, принимается, предпочитается, а «чужое» – то, что не воспринимается, отрицается русской культурой и т.п.

По данным исследования Л.К. Байрамовой, насчитывается десять пар ценностей и антиценностей, репрезентированных на фразеологическом уровне: Жизнь – Смерть, Здоровье – Болезнь, Счастье – Несчастье, Родина – Чужбина, Труд – Отдых, Богатство – Бедность, Смех – Плач, Ум – Глупость, Правда – Ложь, Рай – Ад [1, с. 67–69]. Несмотря на свою относительность (подвижность и изменчивость), перечисленные ценности лишены индивидуального, группового или национального характера, за ними закрепляется общезначение общечеловеческих понятий.

Названные контрастивные аксиологические концепты, с одной стороны, образуют модель ценностной картины мира, а с другой стороны, являются составляющими многомерного смыслового образования «Свое – Чужое». Выделение ценностной картины мира основывается на идее, что наиболее важные предметы и явления жизни получают самые разнообразные и подробные номинации. На этом же положении базируется соотнесение ценностной и антиценностной составляющих путем сравнения количественных показателей репрезентативной функции каждого из концептов. Сопоставим, к примеру, фраземы, объективирующие в русском языке концепты «Рай» и «Ад».

Имя концепта «Рай», по данным «Толкового словаря русского языка» [5], имеет три значения: «1. В религиозных учениях – место, где души праведников после смерти ведут блаженное существование; *первонач.* в Библии – прекрасный сад, в котором жили Адам и Ева до грехопадения. 2. *перен.* Красивая местность; место, где можно жить счастливо и безмятежно. 3. *перен.* Об очень хороших условиях жизни, о покойной, счастливой жизненной обстановке» [5, с. 347].

На основе словарных определений выявляются три основных содержательных компонента, составляющих понятийный блок концепта:

- ✓ ирреальное пространство, где загробную жизнь проводят праведники;
- ✓ реальное пространство, максимально комфортное для пребывания;
- ✓ очень хорошие условия существования.

Перечисленные актуальные для когнитивного сознания носителей русского языка компоненты соотносятся с контрастивными коррелятами концепта «Ад», в содержательную базу которого входят следующие компоненты:

- ✓ ирреальное пространство, где загробную жизнь проводят грешники;
- ✓ реальное пространство, где царят хаос и ужас;
- ✓ некомфортные условия существования.

Выделение названных компонентов опирается на объяснения, представленные в посвященной слову «ад» словарной статье, в которой находим: *Ад* – «1. По христианскому учению – место, где после смерти грешников их души предаются дьяволу на вечные муки в огне. 2. *перен.* О чем-нибудь, где происходит беспорядок, ужас. / Шум, беспорядок, сутолока (*разг.*)» [5, с. 98].

Обращаясь к фразеологическим средствам выражения контрастивных концептов «Рай» – «Ад», обратим внимание на то, какая из содержательных частей оказывается в большей степени вербализованной. Ядро полевой

структуры представленных концептов составляют следующие знаки косвенно-производной номинации: *христианский (магометанский, магометов) рай*, книжн. *елисейские поля*, устар. *обитель блаженных*, устар. или шутл. *райские кущи* – устар. книжн. *геенна огненная*, а также фраземы в синонимическом ряду *царство теней, подземное царство, царство Плутона*.

Оппозитивные когнитивные признаки «прекрасный – ужасный, мучительный» по отношению к определенному месту объективируются фраземами *рай земной* – ‘прекрасный уголок’, *райские кущи* – одобр. или шутл.-ирон. ‘об уютном, приятном, привлекательном уголке’ и *ад кромешный* – ‘место мучений, где условия жизни невыносимы’. Например: *И не для того, чтобы устроить на солончаках, оставленных реформами 90-х годов, цветущий рай земной, а чтобы повседневная жизнь людей, живущих своим трудом, не превратилась окончательно в ад кромешный* (Завтра, 17.07.2003). Так, контрадикторная антонимия не только на уровне имен концептов, но и на уровне языковых единиц, их репрезентирующих, подчеркивает «зеркальность» рассматриваемых концептов. Содержательный анализ концептов «Ад» и «Рай» выявляет их системные корреляции с базовыми лингвокультурными концептами «Мир», «Жизнь» и «Пространство», с которыми они находятся в отношении притяжения. Связь концепта «Ад» с концептом «Человек» осуществляется через фразему *исчадие (порождение) ада* – ‘о жестоком, коварном человеке’.

Кроме того, в нашем случае находит подтверждение мысль о «кривизне фразеологического зеркала» (термин В.М. Мокиенко). Например, фразема *ад кромешный* достаточно активно функционирует, реализуя второе фразеологическое значение – ‘невыносимый шум, толчея, суматоха, сумятица, хаос’. Происходит акцентирование соответствующих когнитивных признаков, которые вербализуются целым рядом синонимичных единиц: *вавилонское столпотворение, Содом и Гоморра, авгиевы конюшни, Мамаево побоище, [как] Мамай воевал (прошел), черт ногу сломит, сумасшедший дом* [3, с. 30]. Названные фраземы, находящиеся на периферии номинативного поля концепта «Ад», тем не менее, расширяют спектр его фразеологических репрезентантов. Языковое выражение представлений о порядке, тишине, гармонии, создающих «райские» условия, осуществляется посредством таких знаков косвенно-производной номинации, как *земля обетованная* в значении ‘место, где царит довольство, изобилие, счастье’, *аркадская идиллия* – книжн., часто ирон. ‘беспечное, ничем не омраченное существование’, *тихая (мирная) пристань* – ‘о спокойной, умиротворенной жизни’. В процессе речевой реализации большинства других фразем, на первый взгляд, также являющихся противоположными по семантике, актуализируются иные смысловые компоненты, что не позволяет признать их антонимичными названным. Например, фраземы *в ажуре, комар носа не подточит* актуализируют смысл ‘порядок’ применительно к положению дел, сложившейся ситуации, фраземы *флотский порядок, ни соринки, ни пылинки и все блестит* используются, когда речь идет лишь о правильном расположении вещей, чистоте.

Входящий в структуру аксиологического концепта «Ад» когнитивный признак «мучительное душевное состояние, нравственные страдания» объективируется посредством фразем *ад в душе (в груди)* – устар. ‘о смятенном состоянии кого-л.’ [2, с. 17] и *муки ада* – ‘мучения, страдания’. «Зеркальным отражением» являются устойчивые сочетания *райское наслаждение, райское блаженство* [6, с. 217], вербализующие когнитивный признак «состояние блаженства, удовольствия». Выделенные в процессе когнитивной интерпре-

тации признаки занимают в полевой структуре рассматриваемых концептов ядерную и окооядерную зоны.

Не останавливаясь на детальном моделировании «зеркальных» концептов «Ад» – «Рай», не принимая во внимание семантику единиц паремиологического поля (типа *С милым рай и в шалаше. И рад бы в рай, да грехи не пускают*), а также фразем, актуализирующих ассоциаты на стимул – ключевую лексему-репрезентант концепта (например, *Адам, Ева, грех* или *черт, дьявол, огонь* и другие), на основании выше представленного материала можно сделать вывод о содержательной контрастивности концептов, о разнообразии фразеологических средств, которые как в зеркале (иногда в «кривом зеркале») отражают сложившиеся общекультурные представления о рае и аде.

Положительное отношение носителей языка к пространству и (или) условиям жизни, обозначенным при помощи знаков косвенно-производной номинации, вербализующих концепт «Рай», свидетельствует о вхождении данного концепта как члена оппозиции в смысловое поле концептосферы «Свое». Оценочная зона фразем-репрезентантов концепта «Ад» заряжена отрицательно; предметы, получающие номинацию, оцениваются как негативные, а потому закономерно вхождение концепта «Ад» в смысловое поле концептосферы «Чужое».

Однако нельзя однозначно распределить относительно категории «Свое – Чужое» такие контрастивные концепты, как, например, «Ум» – «Глупость», «Смех» – «Плач», «Богатство» – «Бедность». Языковое кодирование мира находится в прямой зависимости от менталитета народа, говорящего на данном языке. В менталитете – наборе специфических когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации – содержатся разноплановые оценки понятий *ум* и *глупость*, *смех* и *плач*, *богатство* и *бедность*, данные членами лингвокультурного сообщества. Оценочная и эмоциогенная стороны соответствующих концептов амбивалентны, то есть могут получать как положительный, так и отрицательный заряд, поскольку они осмысливаются носителями языка не путем считывания их словарных определений, а в результате личного социального опыта предшествующих поколений, традиций социума, которому они принадлежат. Следовательно, такого рода амбивалентность не только является составляющей индивидуального или группового слоя соответствующего абстрактного концепта, но и носит общекультурный, национальный характер.

Каждый из контрастивных концептов («Ум» – «Глупость», «Смех» – «Плач», «Богатство» – «Бедность») может объективироваться знаками косвенно-производной номинации, функционирование которых сопровождается актуализацией разного рода коннотативных сем.

Неоднозначность оценки в национальной лингвокультуре некоторых абстрактных понятий относительно категории «свойственности / чуждости» можно доказать путем анализа смысловой структуры фразем, вербализующих названные концепты. Так, в процессе смысловой реализации фраземы *Что на уме, то [и] на языке*, рассматриваемой как репрезентант концепта «Ум», актуализируется сема 'искренность, откровенность', что дает основания оценить объект данной номинации как открытый для общения с другими, принадлежащий к группе «своих»: *Что на уме, то и на языке; сердце, как говорится, на ладошке, церемониев этих разных не знаю и знать не хочу! Ну их! Заходите когда-нибудь ко мне вечером, сами увидите* (И.С. Тургенев. Несчастная). Напротив, в смысловой структуре фраземы *себе на уме* акцентуа-

ции подвергается сема 'скрытность', что позволяет нам говорить о том, что участник коммуникативного акта оценивается как «чужой», то есть обособившийся от других. Сравним: *Они для нас вовсе не искренние друзья, а себе на уме конкуренты и вдобавок геополитические чужестинники* (И.Л. Андреев. Россия: взгляд из будущего).

В объективации концепта «Глупость» участвует широкий круг знаков косвенно-производной номинации, в семантической структуре большинства из которых содержатся оценочная сема 'неодобрение' и эмоциональная сема 'презрение' (*голова садовая (еловая, дубовая), непроходимый дурак, дубина стоеросовая, лопух лопухом, медный лоб* и многие другие), то есть, как правило, отношение к глупому, ограниченному человеку в русской лингвокультуре крайне негативное, бестолковый воспринимается как «чужой». В то же время ментальные установки носителя русского языка могут быть направлены и в сторону снисходительного отношения к глупцу, несообразительному человеку, тугодуму. Например: *Ах, дитенок милый, чем бы тебя разутешить? А может, пожалеть, а? Генерал покачал головой на Аржаного: – Эх ты, голова-два уха! Тебе только панты. А человека тебе ничем укокошить? Жалеть надо человека-то, миленок, жалеть, вот что* (Е.И. Замятин. На куличках). Отметим, что функционирование фразем в приведенных коммуникативно-прагматических ситуациях раскрывает лишь одну сторону смысловых потенций фразеологического значения той или иной единицы, а именно: возможность ее рассмотрения как репрезентанта когнитивной категории «свой» или «чужой».

Контрастивность таких абстрактных фразеологических концептов, как «Ум» – «Глупость», «Смех» – «Плач», «Богатство» – «Бедность», следует рассматривать в 3 аспектах:

- ✓ на межконцептуальном уровне, поскольку перед нами концепты априори антонимичные;
- ✓ на уровне семантики фразеологических единиц, вербализующих каждый из них в отдельности, что связано с амбивалентностью когнитивных признаков, моделирующих концепт;
- ✓ на уровне фразеологического значения отдельно взятой фраземы, которая в различных контекстах способна актуализировать противоположные коннотативные семы.

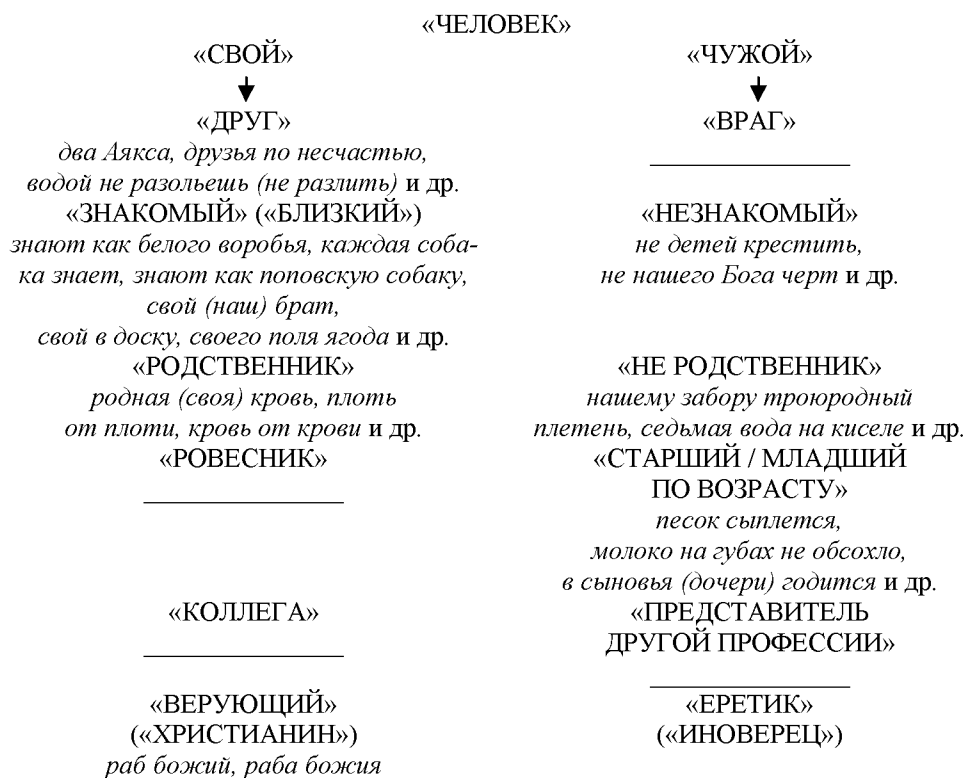
В языковом сознании членов лингвокультурного сообщества данные концепты не мыслятся как ценности и антиценности, а осознаются в категориях «свое» и «чужое», меняя при этом полюсы «+» и «-».

В целом **оппозитивность** – одна из характерных черт картины мира любого народа. Модель когнитивной картины мира, построенной на универсальных оппозициях, отражает дихотомичность мышления, является одним из способов членения действительности, ее отражения в процессе мышления и презентации в сознании. «Свое – Чужое» признается нами основополагающим противопоставлением, охватывающим практически все сферы действительности. Остальные оппозиции выстраиваются относительно «Своего – Чужого» в иерархическом порядке в зависимости от степени отвлеченности номинируемых понятий.

На наш взгляд, смысловое поле концептосферы «Человек» наиболее насыщено различными оппозициями, которые носят субкатегориальный характер как по отношению к данной концептосфере, так и по отношению к концептосфере «Свое – Чужое». В связи с антропоцентрической направленно-

стью исследования необходимо обратиться к понятию **идентичности**, под которой понимается осознание человеком своей принадлежности к той или иной группе, позволяющей ему занять свое место в социокультурном пространстве и оценить других как принадлежащих / не принадлежащих к этой же группе, то есть «своих» или «чужих». Поскольку человек является одновременно участником разных социокультурных групп, он обладает несколькими идентичностями, в которых отражаются его пол, возраст, социальное положение, родственные связи, религиозная, профессиональная и этническая принадлежность. Становление определенного типа идентичности происходит через сопоставление и противопоставление позиций различных групп. В результате естественной для человеческого сознания оценочной деятельности происходит формирование субопозиций категории «Свое – Чужое».

Не все типы оппозиций, образующих концептосферу «Человек», получают фразеологическую объективацию. Неполная фразеологическая парадигма репрезентантов противопоставленных когнитивных признаков, составляющих модель концептосферы «Человек», выглядит, согласно данным нашего исследования, следующим образом:

Следовательно, коммуникация между представителями одной лингвокультурной общности содержит больший объем значимой информации, чем ее словесное выражение на уровне фразеологических единиц языка.

Некоторые когнитивные признаки носят биполярный характер: наличие оценочной семы 'свой' или 'чужой' в смысловой структуре вербализующих их фразем зависит от социокультурных установок и позиций субъекта / объекта номинации. Так, на основе общего классификационного признака «Социальное положение» выделяются следующие фразеологически объективи-

рованные оппозитивные признаки: (А) «ГОСПОДИН (ХОЗЯИН, ЦАРЬ)» – «РАБ»: *сам себе господин (хозяин), господин (хозяин) положения, – быть (находиться) под башмаком, рассыпаться (мелким) бесом и другие;* (Б) «АРИСТОКРАТ» – «НЕЗНАТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ»: *голубая кровь, белая кость – без роду и племени, один как перст.* Потенциально каждый из названных выше дифференциальных признаков может выражаться фраземами, в процессе смысловой реализации значения которых актуализируются как оценочная сема 'свой', так и сема 'чужой'. Например: *Всегда приговаривая, что вот в деревне пастушка, который пасет стадо, каждый дом кормит по очереди. И это большинству людей как раз нравилось. Свой. Не намекает, мол, я белая кость, я доктор. Нет, свой* (Д. Притула. Доктор Кузин). В представленном контексте в смысловой структуре фраземы *белая кость* – 'о человеке знатного (аристократического, дворянского) происхождения' – акцентуируется сема 'чужой', поскольку косвенно-производная единица является контекстуально антонимичной лексеме *свой* (= 'деревенский, незнатного происхождения'). Сравним: *Он был в элегантном темно-синем костюме, умело причесан – волосок к волоску. Голубая кровь, белая кость – царская порода. Вся семья была в сборе: жена, дочь и внук* (Р. Нахапетов. Влюбленный). Употребление фраземы *белая кость*, наряду с синонимичной единицей *голубая кровь*, подчеркивает принадлежность объекта номинации к группе «своих», царской семье.

Анализ большинства контекстов с фраземой *белая кость*, зафиксированных Национальным корпусом русского языка, показывает, что объекты, обозначенные данным знаком косвенно-производной номинации, во многих коммуникативных ситуациях противопоставляются другим членам социокультурного сообщества. Сравним: *Дело в том, что в любом разговоре он не забывал подчеркнуть, что отец, другие настоящие писатели – творцы, белая кость, а он, так сказать, «человек земли»* (В. Шаров. Воскрешение Лазаря). В данном контексте фразема *белая кость* выступает антонимом метафорическому словосочетанию «человек земли» и используется для обозначения «чужих», наделенных незаурядными способностями. При этом выражение обладает положительной оценочностью.

Таким образом, контрастивные концепты играют существенную роль в моделировании языковой фразеологической картины мира. Ведущая концептуальная оппозиция «Свое – Чужое» выполняет функцию стержня, вокруг которого группируются контрастивные корреляты – базовые для русской культуры концепты и субконцепты. Количество концептуальных диад – индикаторов основных человеческих смыслов и ценностей – конечно, исчислимо. Основным критерием выделения таких диад в рамках нашего исследования явилась, прежде всего, их репрезентация фраземами русского языка. Интенсивность фразеологической объективации «зеркальных» концептов обусловлена значимостью заложенных в них культурных смыслов для этнокультуры.

Список литературы

1. Байрамова Л. К. Ценности и антиценности во фразеологии / Л. К. Байрамова // Живодействующая связь языка и культуры : мат-лы Междунар. науч. конф., посв. юбилею проф. В. Н. Телия : в 2 т. – М. – Тула : Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2010. – Т. 1. – С. 67–71.
2. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокшенин, Л. И. Степанова. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2007. – 926 с.

3. Бирих А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : АСТ_ПРЕСС КНИГА, 2009. – 448 с.
4. Карасик В. И. Зеркальный концепт «Простота» / В. И. Карасик // Новое в когнитивной лингвистике : мат-лы I Междунар. науч. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2006. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8). – С. 26–41.
5. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М. : ТЕРРА, 1996. – Т. 3. – 712 с.
6. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 2. – 832 с.